

Художник и СМИ: опыт взаимодействия

О романе Геннадия Ершова «Анатомия письменности»

Ярославец Геннадий Ершов — один из ярких мифотворцев современной отечественной культуры. Художник, за двадцать лет жизни в искусстве получивший звания «provokatora» и «масона», «мастера эпатажа» и «записного постмодерниста», он будто отталкивается от обэриутовских сорока четырёх весёлых чижей: Ершов — литератор, Ершов — композитор, Ершов — культуртрегер, Ершов — режиссёр, а по сути — маргинал, действующий на тонкой грани миров, не принадлежа им, но их вбирая*.

Уникальный и, пожалуй, единственный в своём роде опыт взаимодействия художника со средствами массовой информации явлен в феномене романа Геннадия Ершова «Анатомия письменности».

Замысел проекта «Анатомия письменности» возник в то время, когда начал складываться тип актуального художника не столько создающего произведения, сколько организующего ситуации, в которых он работает как бы указующими жестами. Но этому «медиатору» необходима виза масс-медиа. Парадокс современного бытия в том, что реальное замещается виртуальным, и культурные явления становятся фактом только тогда,

когда преломляются сквозь призму СМИ. Ершов предпринимает попытку «оседлать бумажного тигра» и разыгрывает свой литературный перформанс на страницах газет, преодолевая разрыв между акцией и публичкой.

Инициатор проекта не работает в газете, не подбирает газетные цитаты для создания субъективного образа времени, а встраивает своего двойника в контекст актуальных новостей однодневного чтения, делая его героем газетной полосы и, благодаря ей, «героем своего времени, места и образа действия».

В проспекте галереи современного искусства «Пост» в 1992 году впервые излагается концепция романа — программы целевой активации различных информационных каналов посредством особой техники аппельта. «Аппельт» — термин Ершова, используемый им как для обозначения методологического приёма вскрытия дискурсов, так и для обозначения «условных сигналов» (от фр. *appel* — сигнал). Применительно к программе смысл термина раскрывается в методике работы со средствами массовой информации, основан-

* Работы Геннадия Ершова хранятся в собраниях Московского музея современного искусства, Государственного Русского музея, Ярославского художественного музея, Саратовского государственного художественного музея им. А. Н. Радищева, Муниципальной художественной галереи г. Костромы, в российских и зарубежных частных коллекциях.

ной на принципе создания информационного повода. Роль автора сводится к «подаче апельта», то есть распространению слухов, вымыслов, провокативным действиям, а затем методичному сбору и систематизации печатного материала, в котором вымышленные события, переплетаясь с реальными фактами, предстают в ореоле несомненной истины. Структурной единицей романного текста становится не только текст инспирированного информационного сообщения, но и контекст данной газетной полосы, телевизионной передачи или страницы интернета. Параллельные миры «виртуального» и «реального», пересекаясь, образуют новую, третью реальность — пространство апельта.

Ершова интересует «не правда факта, а правда человеческого отношения к факту». Для этого он создаёт одноимённого себе героя и запускает в СМИ. Журналисты становятся «литературными неграми», возделывающими чужие «посевы». Информация появляется на первых полосах и в самых актуальных рубриках. В течение последних двадцати лет отдельные главы (а сегодня их более 300) публикуются огромными тиражами. Да не покажется странным, но их пишут десятки авторов, но ни они, ни издатели не знают, как дальше повернётся сюжет, сколько раз повторится кульминация.

В поле романа оказывается задействованной практически вся местная пресса: и заводские газеты, и самые популярные в Ярославле и области печатные издания («Северный край», «Золотое кольцо», «Юность», «Караван-Рос», «Ярославская неделя»), и любые новообразующиеся («Вечерний Ярославль», «Сейчас в Ярославле», «NZ. На случай отдыха»). География публикаций отдельных глав на страницах центральной прессы не менее широка: «Комсомольская правда», «Сегодня», «Собеседник», «Экспресс-газета», «Трибуна», «Известия», «Лимонка», «Speed-инфо»...

Действие романа захватывает и телеэфир. На горячие новости из провинции реагируют «Взгляд» (ОРТ), «Сегоднячко» (НТВ), журналисты телеканалов «Россия» и «ТВ Центр». С 1993 по 1996 год на «Городском телеканале» выходит программа Ершова «Апельты», и многие из её 50 выпусков становятся поводом для создания новых страниц романа.

* * *

Вот краткая биография симулякра «Г. Ершов».

Впервые двойник выходит на газетную полосу в 1989 году, когда миллионы соотечественников грезят о счастье, старательно переписывая «святые письма». Общество Читателей Письма (ОЧП) предстаёт перед массовым читателем в образе некой тайной организации. Пока у героя нет имени, он фигурирует под безликим номером координатора ОЧП «Г1880».

Когда наступает пора заполнения «белых пятен», в «Анатомии письменности» появляется новый персонаж — поэт и философ Иван Кузьмич Дубов. «Дубовские главы» печатаются и в Ярославле, и в столице — от «Гуманитарного фонда» до «Лимонки». Издаётся сборник сочинений И. К. Дубова «Признаки» (Ярославль : Дебют, 1990). Составитель Г. Ершов, представленный прессой как «друг и душеприказчик покойного», в предисловии к изданию рассказывает, что «философские труды И. К. Дубова получили заслуженное признание за рубежом и остались неизвестными советскому читателю». Читатель оказывается вовлечённым в своеобразную игру с фантомами массового сознания. Пафос мыслителя выразился в философской парадигме: «Устройство физического мира в основном таково, каким представляется оно передовому общественному мнению той или иной эпохи». Банальность дубовских конструкций пугает.

В 1993 году, отмеченном наплывом тоталитарных сект, пресса сообщает о шоки-

рующих акциях «Института Розы Мира». Ершов и К^о последовательно обживают ампула «защитников идей великой книги». Апофеозом истории становится потрясшая общественность демонстрация «посмертной маски» Даниила Андреева с последующим «разоблачением фальшивки» вдовой писателя. Всё это — на грани кошунства, в духе карнавалльно-пародийного нигилизма, с вовлечением в орбиту повествования реальных культовых персонажей.

Ряд глав освещает в местной и столичной прессе постановку злободневной политической оперы «Великий гражданин» о ГКЧП и Борисе Пуго. Прецедента постановки подобной музыкальной пьесы, где действующими лицами являлись бы действующие руководители государства, в демократической России нет до сих пор. В гостях у её создателей побывала съёмочная группа программы «Взгляд», сюжет прошел по ТВ с использованием видеоматериалов, снятых в Харькове во время единственной постановки. Авторами оперы (либретто — В. Якупов, музыка — Г. Ершов) в это же время создаётся «Общество Сознания Пуго». Оно нашло отражение не только на страницах газет начала 1990-х, но и в интернете в год десятилетия ГКЧП в разрезе темы: «Помним ли мы Б. К. Пуго?»...

В сентябре 1993-го читатели газет узнают, что Геннадий Ершов объявляет себя Президентом России на общественных началах и публикует в СМИ свои указы, а затем баллотируется в депутаты областной думы. Известный арт-критик Вячеслав Курицын по поводу предвыборного плаката Ершова «Через два месяца обещаю стабильное потепление» проговаривается в газете «Сегодня»: «Давно я говорил Олегу Кулику: пора двигать в политику».

В 1996 году посредством СМИ Ершов возлагает на себя «дополнительные полномочия», берёт «действующего Президента России под опеку, а Президента США — на поруки». В одном из изданий народный президент открывает «линию доверия», на пер-

вых полосах СМИ вновь появляются его указы и обращения.

Итак, главный герой романа проходит путь от безымянного «Г1880» до «господина президента».

На авансцене «Анатомии письменности» в 1997 году появляется персонаж «скандального кинорежиссёра». Ещё до съёмок и задолго до премьеры жанр фильма «Каменный гость Чапаева» в прессе варьирует от «историко-эротической эпопеи» до «философского боевика». География публикаций вновь простирается от местных изданий до «Комсомолки» и «Speed-инфо». Переосмысливая тезис В. Шкловского «кино — письменность XX века» в духе уже расхожих в XXI веке представлений о необязательности для произведения искусства его материального воплощения, Ершов понятие «виртуальное кино» прочитывает буквально. Несуществующие фильмы о знаменитых земляках становятся плотью новых страниц романа.

Первая презентация газетных страниц «Анатомии письменности» в качестве связанного текста романа состоялась в феврале 2002 года в ярославском ЦСИ «Арс-Форум» в рамках проекта Общества Читателей Письма «Опыты присутствия, чтения и передачи реальности». В ксерокопиях были представлены практически все публикации, начиная с 1989 года. На проект ОЧП откликнулась Елена Невердовская, петербургский арт-критик, назвав его «глобальным научно-исследовательским медиа-проектом, первым в истории современного искусства». На сайте Агентства культурной информации она констатировала: «Представленный в Ярославском центре современного искусства технический отчёт ОЧП показал, что деятельность этой организации внесла неоспоримый вклад в исследование воздействия потоков информации на человеческое сознание и на понимание современным человеком реальности бытия».

Апофеозом проекта «Анатомия письменности» стала презентация в 2010 году в

Муниципальной художественной галерее Костромы «мобильной мемориальной экспозиции «Пространство апельта». Авторы экспозиции Геннадий Ершов и Сергей Калачёв предъявили синтез актуальных музейных форм: литературного музея, музея литературного героя и музея литературного произведения, подчеркнув, что музеефикация есть естественная стадия бытия любого культурного феномена, чего не избежал и роман «Анатомия письменности».

Профессор Е. А. Ермолин, чьё пристальное внимание к акциям Ершова и их анализ также

вплетаются в канву романа, констатирует в одной из «глав», на страницах «Северного края»: «Ершов — памятник нашей расхристанной постмодернистской эпохе, её живое слово, её букварь и энциклопедия. Его искусство — лакмусовая бумажка на чувство современности».

«Анатомия письменности» — история становления героя, взаимодействующего с современной моделью культуры, это своего рода «алхимический брак» между искусством и СМИ, который на рубеже XX—XXI веков привёл к рождению своеобразной художественной формы.

Марина ПОЛЫВЯНАЯ